

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК**

125009, МОСКВА, МОХОВАЯ УЛ., 11-3
ТЕЛ.: +7(495)692-10-51/629-45-07
E-MAIL: europe@ieras.ru
WWW.INSTITUTE OF EUROPE.RU

**INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES**

125009, MOSCOW, MOKHOVAYA STR., 11-3
TEL.: +7(495)692-10-51/629-45-07
E-MAIL: europe-ins@mail.ru
WWW.INSTITUTE OF EUROPE.RU

Статья в журнале «Аналитические записки Института Европы РАН»

(Выпуск IV) №24, 2022 (№291)

Почему Беларусь не Украина?

Николай Маратович Межевич

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований, руководитель Центра белорусских исследований ИЕ РАН

Всеволод Владимирович Шимов

кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований, Центр белорусских исследований ИЕ РАН

***Аннотация.** События, связанные со специальной военной операцией, не только актуализируют украинскую проблематику, но и заставляют нас обратиться к опыту еще одной славянской страны, бывшей республике СССР – Белоруссии. В Республике Беларусь в начале 90-х годов разворачивались те же процессы, что и на Украине. Однако спустя 30 лет политические и экономические результаты постсоветских трансформаций оказались иными. В чем причина подобных различий? Данная записка – один из первых опытов размышления о том, почему Беларусь не Украина?*

***Ключевые слова:** Белоруссия, Украина, национализм, многовекторность, «кучмизм», Союзное государство.*

***Авторы.** Межевич Николай Маратович - д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. E-mail: mez13@mail.ru
Шимов Всеволод Владимирович - к. полит. н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3 E-mail: vs.shimoff@gmail.com
DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics42420221322> EDN: <https://www.elibrary.ru/FPBYDQ>*

Постановка вопроса

После распада СССР две восточнославянские республики, Белоруссия и Украина, избрали разные траектории развития, причем различия начали проявляться практически с первых лет независимости. Украина избрала путь геополитического разворота на Запад с редкими элементами многовекторности, дистанцированием от России, а также усиления этнического национализма во внутренней политике. Белоруссия пошла по пути сохранения тесных кооперационных связей с РФ, большую часть прошедшего тридцатилетия имела крайне неоднозначную и порой открыто конфликтную историю взаимоотношений с западным миром, стала единственной республикой бывшего СССР, где русский язык получил статус государственного и остался основным языком не только бытового общения, но и государственного делопроизводства и системы образования.

При всех проблемах российско-белорусского сотрудничества в отдельные годы, отметим, что даже в периоды спада оно всегда было более стабильным, чем российско-украинское в лучшие моменты.

В 1997 году при подписании Договора о дружбе и сотрудничестве между РФ и Украиной, как и в 2019-2020 гг. применительно к отношениям Беларуси и России, указанные вектора сотрудничества не воспринимались как очевидные. События 2022 года наглядно продемонстрировали разницу результатов стратегий развития, избранных Белоруссией и Украиной. Украина пришла к обострению внутренних противоречий, потере территорий и конфликту с РФ. Белоруссия осталась стабильным и устойчивым государством и обществом.

Вместе с тем, Белоруссии неоднократно пророчили «украинский сценарий». Более того, в первые годы независимости Белоруссии (1991-1994 гг.) здесь наблюдались примерно те же тенденции, что и на Украине: рост этнического национализма, диктующего свою повестку государству, и геополитический дрейф на Запад. Политический кризис 2020 г., разразившийся после президентских выборов в Беларуси 9 августа, также был интерпретирован многими наблюдателями как «белорусский майдан», в итоге не удавшийся.

В связи с этим изучение сходств и различий в эволюции белорусского и украинского обществ в постсоветский период представляется важной исследовательской задачей. Это поможет объяснить, почему близкородственные и исторически тесно связанные страны развивались в последние 30 лет внешне столь не одинаково, а также адекватно оценить риски сползания к «украинскому сценарию» в Белоруссии.

К истории вопроса

В первую очередь, следует отметить культурно-историческую общность Белоруссии и Украины, обуславливающую сходство тенденций, угроз и вызовов, с которыми столкнулись белорусское и украинское общества в постсоветский период.

Оба государства характеризуются наличием болезненного конфликта идентичностей и остро стоящим языковым вопросом. Корни этих противоречий имеют общую природу. Уже во второй половине 19-го и начале 20-го вв. в Российской империи велись споры, являются ли белорусы и украинцы отдельными этносами или только этнографическими группами в составе большого русского народа. Соответственно, говоры белорусских и украинских крестьян того времени могли интерпретироваться сторонниками разных версий национального самоопределения либо как отдельные языки, либо как диалектные разновидности русского языка.

Причины этого конфликта идентичностей достаточно очевидны. Представления о национальном единстве всех восточных славян основаны на апелляции к идее Древней Руси как их общей исторической колыбели, а языковые отличия, по мнению многих лингвистов 19-го в., не превышали различия между отдельными немецкими или итальянскими диалектами. С другой стороны, многовековое пребывание под властью Литвы и Польши наложило на язык, материальную и духовную культуру проживавших в этих государствах восточных славян свой отпечаток, что позволило говорить о них как об отдельных народах. Свой вклад в разгорающийся конфликт идентичностей и исторических интерпретаций вносила и конкуренция России и Польши за доминирование на этих пограничных землях.

В советский период конфликт идентичностей был авторитарно разрешен большевиками, признавшими «историческую правду» за последователями белорусского и украинского национализма и осудившими идею общерусского единства как «великодержавный шовинизм». Белорусы и украинцы были признаны отдельными этническими (т.е. основанными на идее своей культурно-языковой особенности) нациями и получили государственность в формате союзных республик.

Вместе с тем, советская национальная политика была противоречивой. Если в 1920-е и в начале 1930-х гг. преобладающим был тренд на «коренизацию», т.е. на форсированное развитие национальных языков, в том числе и вытеснение ими русского, а также выдвижение национальных кадров в союзных республиках, то уже во второй половине 1930-х гг. берется курс на укрепление советского патриотизма, а в отношении «национальных кадров», включая творческую интеллигенцию, проводятся репрессии и чистки.

В условиях централизованного государства формирование единого экономического комплекса закономерно вело к укреплению роли русского языка как межнационального. В случае с Белоруссией и Украиной, где изначальная этническая дистанция с русскими была невелика, а национальное сознание местного населения оставалось неустойчивым и размытым, русский язык быстро завоевывает статус «престижного» и «городского», постепенно становясь основным средством общения, в первую очередь в крупных городах.

В послевоенный период в СССР в отношении русских, белорусов и украинцев утверждается концепция «трех братских народов», во многом воспроизводящая установки дореволюционной идеи «триединого русского народа». Это также

способствовало размыванию межнациональных барьеров внутри восточнославянского населения СССР и формированию представлений о нем как о фактически одном народе.

К моменту распада СССР Белоруссия и Украина мало походили на культурно герметичные этнические нации, каковыми официально считались, и характеризовались широким (в случае Белоруссии – фактически тотальным) распространением русского языка и культурным тяготением к России. Таким образом, можно говорить об определенном противоречии между процессами фактической этнополитической консолидации восточнославянского населения СССР на базе русского языка и культуры и его политико-административным разделением на три национальные республики. И если в условиях централизованного советского государства это противоречие носило скрытый характер, то после его распада оно стало во многом определять политическую жизнь Белоруссии и Украины и их отношения с Россией.

Основными бенефициарами распада СССР в Белоруссии и на Украине стали местные элиты, получившие в свои руки полный политический суверенитет, и национальная творческая интеллигенция, наконец, избавившаяся от «культурной гегемонии» Москвы.

Сам факт разрушения СССР и обретения независимости требовал легитимации, т.е. формирования некоей идеологии новых независимых государств. Роль такой идеологии практически сразу занимает этнический национализм, который уже де-факто был основой государственности БССР и УССР в рамках Советского Союза, пусть и в сильно смягченном виде и в рамках марксистско-ленинской парадигмы. В рамках этнического национализма уже была готова мифология государственного суверенитета как высшей ценности и извечной мечты белорусского и украинского народов.

С самого начала украинский и в существенно меньшей степени белорусский национализм носили антироссийский и русофобский характер. Поскольку оба национализма были этническими, т.е. основанными на представлениях о культурно-языковой герметичности и самодостаточности белорусской и украинской наций, широкое распространение русского языка и его фактическое преобладание в быту в рамках этих идеологий рассматривалось как угроза национальному бытию украинцев. В качественно меньшей степени эта же проблема проявилась и в Беларуси. Соответственно, в первые годы независимости борьба с «русификацией» становится основой национальной политики как на Украине, так и в Белоруссии. Это предполагало установление монополии белорусского и украинского языков в качестве государственных и последовательное выдавливание русского языка из всех сфер жизни – культуры, образования, делопроизводства, сферы обслуживания и, в конечном счете, бытового общения. Разумеется, в Беларуси этого было невозможно достичь даже карательными мерами. Национально ориентированная оппозиция, а другой так и не появилось, фактически ставила вопрос о преференциях для белорусского языка. Иная ситуация сложилась на Украине, где русский язык начал вытесняться из всех сфер общественной жизни начиная с 1991 года.

В Белоруссии в первые годы независимости в качестве государственного праздника пытались установить «день белорусской воинской славы», отмечаемый 8 сентября. В этот день в 1514 году войска Великого княжества Литовского под командованием князя

Константина Острожского разбили московское войско неподалеку от города Орша. В современной националистической мифологии это событие трактуется как победа «белорусского оружия» над «московским агрессором». Для развенчания этого мифа потребовались годы и личное участие Президента Беларуси А.Г. Лукашенко.

В идеологической сфере это сопровождалось распространением мифологии о якобы извечной борьбе белорусов и украинцев за свободу и независимость против России, представлений о России как об извечном, экзистенциальном враге. Однако, в частных беседах представители белорусской оппозиции достаточно открыто и на великолепном русском языке говорили о том, что им национализм нужен для прихода к власти. Значительная часть белорусских националистов просто не владеет белорусским языком.

Роль Запада во внутривнутриполитических процессах на Украине и в Беларуси

В продвижении националистических нарративов очень большую роль играли и многочисленные западные НКО, которые стали проникать в Белоруссию и на Украину с первых лет независимости, а также деятели националистической эмиграции. Сразу укажем, украинская эмиграция была качественно и количественно многократно сильнее белорусской. Обретение Украиной независимости сопровождалось церемонией передачи символов власти президенту Л. Кравчуку от так называемого правительства Украинской народной республики в изгнании. Впоследствии выходцы из канадской и американской диаспор играли активную роль в общественно-политической жизни Украины, а учебники украинско-канадского историка Ореста Субтельного стали основой школьного курса истории.

В Белоруссии эти процессы не зашли и не могли зайти так далеко, но аналогичные тенденции прослеживались. Так, в 1993 г. широко отмечалось 75-летие так называемой Белорусской народной республики (БНР), в котором принимали участие спикер Верховного Совета С. Шушкевич, представители творческой интеллигенции (писатели и поэты Василь Быков, Нил Гилевич, Рыгор Бородулин и др.), а также глава «правительства БНР» Иосиф Сажич, известный коллаборационист в годы Великой Отечественной войны, впоследствии бежавший на Запад и проживавший в США.

Это явление не было уникальным. Аналогичные процессы происходили в государствах Прибалтики, где выходцы из эмиграции не только стали играть значительную роль в местной политике, но и оказывались на высших государственных должностях (президенты Вайра Вике-Фрейдберга в Латвии и Валдас Адамкус в Литве).

Вместе с тем, осуществить радикальный и быстрый разворот на Запад под знаменами этнического национализма по прибалтийскому образцу Белоруссия не могла, а Украина смогла сделать это лишь в последние годы. Это обуславливалось как экономическими (высокая зависимость от российских энергоносителей и рынков сбыта), так и социокультурными факторами. Этнический национализм в обоих государствах стал не объединяющей, а раскалывающей идеологией, вызвавшей сопротивление и неприятие значительной части русскоязычного населения. Споры и конфликты по поводу языковой

политики и интерпретаций событий прошлого стали фоном политической жизни обеих стран в постсоветский период.

Элиты обоих государств были вынуждены искать баланс между нуждами национального строительства на основе этнического национализма и необходимостью сохранять тесные отношения с Россией, а также учитывать интересы русскоязычного населения. Баланс этот на Украине и в Белоруссии оказался принципиально различным. Почему так произошло, несмотря на то что оба государства, как было показано выше, в постсоветский период находились в зоне сходных тенденций и вызовов?

Как представляется, принципиальный выбор в пользу сохранения этнонационалистической модели как базовой для Украины был сделан в годы президентства Л.Д. Кучмы. Кучма пришел к власти в 1994 г. с программой интеграции с Россией и был поддержан преимущественно русскоязычными и промышленными регионами юго-востока Украины, недовольными как падением уровня жизни, так и ростом украинского национализма. Однако от реализации этой программы он, в конечном счете, отказался, и в 1998 г. выиграл выборы уже за счет поддержки преимущественно западных и центральных областей, где были сильны националистические тенденции.

Почему так произошло? Во-первых, сам украинский национализм как политический фактор оказался достаточно силен для того, чтобы его использовали как субстрат для выращивания «не России». Он изначально имел прочную социальную базу, прежде всего, в западных областях, где украинское движение получило благоприятные условия для развития еще во времена вхождения этого региона в состав Австро-Венгерской империи. В центральных областях Украины советская украинизация также увенчалась относительным успехом. Здесь благодаря относительно низкому уровню урбанизации местные украинские говоры не подвергались сильному ассимилирующему воздействию русского языка и культуры, и в рамках советского национального строительства сложилась относительно целостная украинская идентичность.

Думается, это одна из причин, почему Кучма решил не идти на конфликт с украинским национализмом, а опереться на него, лишь смягчая наиболее радикальные проявления.

Во внутренней политике при Кучме продолжалась украинизация государственного аппарата, системы образования, культуры и СМИ, хотя, возможно, и шла не так быстро, как того хотели радикалы, зато это позволяло гасить напряженность в языковом вопросе.

Во внешней политике Украина при Кучме продолжала осторожный дрейф на Запад, но при этом украинскому президенту удалось выстроить систему личных отношений с российским руководством, обеспечив Украине льготный доступ к российским энергоносителям и рынку. Вершиной кучмовской дипломатии на российском направлении стал Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной 1997 г., при этом ни в какие интеграционные объединения с Россией Украина не вступала.

Умеренная политика Л.Д. Кучмы подготовила почву для последующей националистической радикализации. Украинизаторская работа государства в сочетании

с деятельностью западных сетей влияния, чувствовавших себя при Л.Д. Кучме свободно, способствовали дальнейшей радикализации украинского национализма, росту его амбиций и appetitов. Кроме того, продолжался рост его социальной базы, в первую очередь, за счет молодежи, проходившей обработку через новую систему украинских СМИ и образования, а также общественных организаций и инициатив.

Политическая система на Украине при Л.Д. Кучме оставалась достаточно плюралистичной. В стране формировалась система влиятельных олигархических группировок, а президент не имел полного контроля ни над СМИ, ни над силовым аппаратом. Именно поэтому Кучме, в конечном счете, не удалось провести во власть своего преемника В.Ф. Януковича, а «кучмизм» оказался сметен «оранжевой революцией», тон в которой задавали националистические и прозападные структуры и движения. События 2004 г. продемонстрировали выраженный идеологический раскол на Украине, имевший в том числе региональное измерение («русский» Юго-Восток против «украинских» Центра и Запада). Вместе с тем, они показали, что именно националистические структуры являются на Украине основной политической силой, имеющей существенное организационное и информационное преимущество, хорошо структурированной и способной подавить глухое и идеологически не оформленное недовольство русскоязычных регионов.

Повторный ренессанс «кучмизма» случился в 2010-13 гг. при В.Ф. Януковиче, пришедшем к власти на волне недовольства экономически провальной политикой «оранжевого» правительства В.А. Ющенко, которая в сочетании с дальнейшим ростом националистических тенденций разозлила и оттолкнула значительную часть населения.

Янукович действовал в условиях сильно разросшейся и радикализованной по сравнению с временами Кучмы сети националистического влияния. Поэтому его стремление к геополитическому балансированию, попытки одновременно заигрывать и сглаживать наиболее радикальные проявления украинского национализма привели к фронде, вылившейся в «евромайдан».

События 2014 г. перевели латентный конфликт внутри Украины в «горячую» фазу. В результате наиболее пророссийские регионы, Крым и Донбасс, либо покинули состав Украины, либо оказались в зоне боевых действий. На оставшейся под контролем Киева территории консолидировался радикально националистический режим, зачистивший любые проявления инакомыслия и перешедший к систематическому обрубанию связей с Россией, как экономических, так и гуманитарных.

Закономерным следствием этой националистической трансформации Украины стало ее втягивание в открытый конфликт с Россией в 2022 г., поскольку политических сил, способных противостоять радикальному украинскому национализму и предлагать конструктивную внутри- и внешнеполитическую повестку, в стране попросту не осталось. Парадоксальным образом почву для такого катастрофического развития событий заложил именно внешне умеренный и компромиссный «кучмизм».

Западная Белоруссия – не Западная Украина

В Белоруссии аналогичные тенденции развивались принципиально иначе, чем на Украине, в силу ряда важных особенностей белорусского общества и государства. В первую очередь, белорусский национализм оказался значительно слабее украинского. Он не имел своего региона базирования, а его социальная база ограничивалась преимущественно творческой гуманитарной интеллигенцией.

Западная Белоруссия не создавала идеологической альтернативы. В экономическом, политическом и даже этническом плане можно говорить о нюансах по отношению к остальной части Республики, но не более. Авторы записки связывают это с процессами индустриализации и урбанизации, которые в Белоруссии имели гораздо более всеохватный и равномерный характер, чем на Украине. К моменту распада СССР белорусское общество подошло преимущественно городским (76%) и русскоязычным (о связи урбанизации и языковой «русификации» было сказано выше), а нужды белорусского промышленного комплекса и интересы связанных с ним групп напрямую подталкивали к более тесной интеграции с Россией.

Уже в первые годы белорусской независимости (1991-94 гг.), когда идеологическую повестку задавали объединенные вокруг Белорусского народного фронта националисты, наметилось противостояние Верховного совета, где в основном группировались белорусские националисты, и «технократического» правительства В.Ф. Кебича, ориентированного на сохранение и укрепление интеграционных связей с Россией.

А.Г. Лукашенко, который, как и Л.Д. Кучма, пришел к власти в 1994 г. под лозунгами сближения с Россией, имел гораздо меньше оснований действовать с оглядкой на националистов и мог позволить себе гораздо более радикальные шаги. В 1995 г. им был инициирован референдум, по результатам которого русский язык получил статус государственного наравне с белорусским, а на протяжении 1996-1999 гг. был подписан масштабный пакет документов, заложивших институциональные основы Союзного государства России и Белоруссии.

Белоруссия, будучи небольшим и внутренне достаточно однородным государством, не породила системы региональных олигархических групп, как на Украине. Украинский олигарх в экономическом измерении ничем не отличался от российского. Белорусский «олигарх» в понимании его российского коллеги – не более, чем очень богатый человек. А. Г. Лукашенко сформировал сильную централизованную персоналистскую систему власти с жестким контролем не только над силовыми структурами, но и над местными «олигархами». В России олигархи пытались диктовать свою волю государству, но это уже история. На Украине олигархи сохраняют свои позиции даже в условиях СВО. А в Беларуси «олигарх» – это человек, которому власть разрешила быть «олигархом».

Это обстоятельство – результат того, что после непродолжительной борьбы президента и Верховного совета в 1994-1996 гг. в Белоруссии установился режим «суперпрезидентской» республики с чрезвычайно широкими полномочиями главы государства.

На Западе эти трансформации были приняты в штыки как «возрождение авторитаризма», что, в конечном счете, также способствовало ориентации Белоруссии на Россию, затормозив развитие западных сетей влияния в гражданском обществе и элитах.

Вместе с тем, говорить о том, что Белоруссия полностью избежала соблазнов «кучмизма», нельзя. Так или иначе, А.Г. Лукашенко постоянно приходилось искать баланс между интеграцией с Россией и укреплением белорусского суверенитета и национальной идентичности. Иной идеологической платформы, кроме белорусского этнического национализма, в распоряжении попросту не было. Поэтому белорусский национализм, пусть и в предельно смягченном виде, всегда оставался элементом национального строительства. Проявлениями этого было осторожное, но последовательное расширение сферы применения белорусского языка, формирование исторических нарративов, апеллирующих к эпохам Великого княжества Литовского и Речи Посполитой как якобы «золотому веку» белорусской государственности, отказ от концепции Древней Руси как общей колыбели белорусов и русских. Вместо этого продвигалась идея Полоцкого княжества как первой формы белорусской государственности.

Особенно заметны эти тенденции стали в конце 2000-х и в 2010-х гг., когда стал очевиден временный кризис Союзного государства, а во внешней политике официального Минска все более отчетливо проявлялись тенденции вполне «кучмовской» многовекторности.

Внутри Белоруссии в этот период также консолидировались группы, ориентированные на более прозападный и националистический курс – IT-сектор и прочий связанный с Западом бизнес, новое поколение творческой элиты и журналистов, где националистические настроения традиционно были особенно сильны. С развитием интернета именно эта среда сформировала сеть новых влиятельных СМИ, таких, как ныне закрытый и признанный экстремистским портал tut.by, которые оказывали сильное воздействие на формирование общественного мнения. Наконец, в рамках многовекторного внешнеполитического курса происходила относительная либерализация и внутренней политики, благодаря чему в республику проникали западные неправительственные организации, быстро вошедшие в синергию с местным националистическим «гражданским обществом».

Закономерным итогом этих процессов стали события 2020 г., очень напоминающие «оранжевую революцию» на Украине, где курируемое западными сетями влияния националистическое «гражданское общество» свергло «кучмистский» режим, заменив его более радикальным, прозападным и антироссийским.

Провал этого сценария в Белоруссии был обусловлен тем, что здесь отсутствовали конкурирующие олигархические группировки, заинтересованные в перевороте, а государство сохранило полный контроль над силовым аппаратом. Это не единственные причины. Большинство белорусского общества достаточно осторожно отнеслось к событиям на Украине и проголосовало за стабильность власти.

Выводы

На Украине «кучмизм» неизменно заканчивался приходом все более националистических и антироссийских режимов, то в Белоруссии произошло прямо противоположное. Условно «полу-кучмистский» период 2014-2020 гг. завершился неудачной «оранжевой революцией», результатом которой стал разгром националистических сил, а в условиях усугубляющейся геополитической конфронтации, спусковым механизмом для которой послужила ситуация на Украине, Белоруссия оказалась в одном лагере с Россией.

Вместе с тем, белорусский этнический национализм и связанные с ним угрозы остаются долговременным фактором белорусской политической жизни и белорусско-российских отношений.

Дата выпуска: 11 октября 2022 г.

Why Belarus is not Ukraine?

Abstract. *The events, related to the special military operation, not only actualize Ukrainian issues, but also force us to turn to the experience of another Slavic country, former republic of the USSR – Belarus. In the Republic of Belarus in early 90s, the same processes were unfolding, as in Ukraine. However, 30 years later, the political and economic results of the post-Soviet transformation turned out to be different. What is the reason for the difference? This paper is one of the first attempts to answer why Belarus is not Ukraine?*

Key words: *Belarus, Ukraine, nationalism, multi-vector politics, "Kuchmism", the Union State.*

Authors. *Mezhevich N.M., Doctor of Science (Economics), Professor, Head of the Center for Belarusian Studies, Department of Social and Political Studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. E-mail: mez13@mail.ru*

Shimov V.V., Candidate of Science (Politics), Senior fellow of the Center for Belarusian Studies, Department of Social and Political Studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. E-mail: vs.shimoff@gmail.com

DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics42420221322> **EDN:** <https://www.elibrary.ru/FPBYDQ>

<http://www.zapiski-ieran.ru>

Release date: October 11, 2022.